

Константин Николаевич Леонтьев

Письма отшельника

Константин Леонтьев

Письма отшельника[1]

I

Наше болгаробесие

Я вздохнул свободнее в деревенском уединении своем, прочитав первый номер вашей газеты.

Наконец я услышал речь прямую и правдивую! Наконец-то нашлись и в изолгавшейся отчизне нашей люди, дерзающие *говорить правду* о болгарах и вывести их из того привилегированного и даже им самим вредного положения, в которое поставил их наш либерализм. Кого, в самом деле, мы не судим, кого не порицаем, кого не осуждаем, кого не корим? Европейцев, при всем подобострастии нашем пред Западом, мы все-таки решаемся судить. Мы даже громим их беспощадно *тогда, когда они, весьма естественно соблюдая свои государственные выгоды, противодействуют нам*. Азиатцев мы в "просвещенной" печати нашей разрываем на части и считаем долгом называть их беспрестанно "варварами" (этим

главным образом доказывается, что и "мы европейцы" и что нет и не будет другой цивилизации, кроме прогрессивно-разрушительной новоевропейской). Мы позволяем себе изредка порицать даже чехов, сербов и хорватов; греки у нас давно уже известны под бранным прозвищем *фанариотов*: "они суть льстивы до сего дня". Самих себя, Россию, власти, наши гражданские порядки, наши нравы мы (со времен Гоголя) неумолкаемо и омерзительно браним. Мы разучились хвалить; мы превзошли всех в желчном и болезненном самоуничижении, не имеющем ничего, заметим, общего с христианским смирением. Только одни болгары у нас всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притеснители.

Раздавались немногие серьезные голоса и против них, но их тотчас же заглушал громкий вой всероссийского свободолюбия. Попыталась самобытная мысль углубиться подалее в сущность восточных дел, но эта живая мысль, опережающая события, была подавлена презрительным равнодушием. На людей,

позволявших себе, по поводу Восточного вопроса, говорить и печатать вещи несообразные с *модой* (эту моду зовут иные *здравый смысл*), смотрели как на пустых оригиналов или звали их представителями *казенного православия*. Все болгарские интересы считались почему-то *прямо русскими интересами*; все враги болгар — нашими врагами.

Когда станешь думать обо всем этом, о непостижимых заблуждениях наших, о легкомысленном отношении влиятельных и практических людей, напр., к церковному греко-болгарскому вопросу, о преднамеренном искажении истины одними (знающими), о нахальной либеральности других, не постигающих такой простой, такой, скажу, грубой политической аксиомы, именно — что самый жестокий и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископ, *какого бы он ни был племени*, хотя бы крещеный монгол, должен быть нам дороже двадцати славянских демагогов и прогрессистов... когда поймешь, что и Россия, и все славянство без изъятия уже переступили за роковую черту, за которой *дальнейший* европейский прогресс

перестает быть залогом *развития*, а становится лишь средством *разрушения и гибели*... когда, говорю, подумать обо всем этом, — станет и страшно и скучно... Страшно станет потому, что увидишь за всем этим нечто *фатальное*, нечто мистическое, если хотите... какое-то проклятие... Скучно станет потому, что скажешь себе: "Сделать ничего нельзя. Не то думают люди прямого влияния, что думаем мы с единомышленниками..."... *Хорошо быть глазом вопиющего в пустыне*, когда впереди ждешь кого-нибудь такого, кто будет понимать дело еще лучше нас, кто будет прямее и сильнее нас и на нашем же пути влиятельнее. Но когда видишь, что все идет *налево и налево*, и люди не видят этого, когда видишь, например, ничтожество бельгийской буржуазной конституции в самой отсталой и самой патриархальной из освобожденных нами славянских стран, когда видишь, что пастушеский и первобытный болгарский народ предан в руки адвокатов, торговцев европейского стиля и самолюбивых учителей, вчера еще босоногих оборванцев и реалистов; когда слышишь или хотя бы подозреваешь, что ка-

кой-нибудь Каравелов-прогрессист (вероятно, что-нибудь беспокойное и наглое вроде Гамбетты) берет верх в делах, разве не станет скучно?

Разве не станет тяжело, когда прочтешь такие телеграммы:

"Тырново, 21 марта. Болгарское народное собрание под председательством Каравелова отвергло проект учреждения сената и, по предложению доктора Малова, внесло в конституцию безусловное право сходов без предварительного разрешения полиции. Умеренная партия подверглась сильным нападкам крайних. Тырново, 28 марта. Вчера народное собрание внесло в конституцию статью о полной свободе совести с правом переходить в другую веру и о полной свободе печати. По предложению Каравелова, собрание отвергло просьбу епископов, чтобы православные церковно-служебные книги и прочие религиозные издания, предназначенные для употребления в церквях и школах, подвергались духовной цензуре. По поводу вчерашних постановлений народного собрания эк-

зарх, все епископы и предводители умеренной партии заявили сегодня протест и удалились из собрания. Тырново, 29 марта. Народное собрание отсрочило свои занятия до 4 апреля. Рассмотрено 117 статей устава. Статьи о составе будущей палаты переделаны в том смысле, что все депутаты — выборные, членам по должностям и по назначению не быть. Признана свобода печати и сходов, дружеств, обществ литературных, технических, экономических, политических. Предложение Балабанова и других об учреждении сената отвергнуто единогласно. При этом произошла скандальная сцена. . Вследствие каких-то личностей, раздались крики: "Вон Балабанова!" Балабанов оскорбил председательствующего Каравелова. Цанков вмешался. Кончилось тем, что авторы предложения о сенате, всего 12 человек, вышли из залы заседания".

Разве не скучно не доверять в глубине сердца даже тем опровержениям, которые являлись позднее? Пусть это дело замяли, вероятно, благодаря русскому давлению. Пусть

только половина всего этого правда; но и половина эта неутешительна. И если все это клевета, если даже *ничего подобного* не было вовсе, то, должно быть, злой клеветник умен и коротко знаком с духом болгарской интеллигенции. Эта ложь так художественна, так *похожа* на истину! Не выдумаешь чего-нибудь подобного вовсе без основания: *не будет похоже*. Если бы кто-нибудь прислал теперь телеграмму из Парижа о том, что скромный якобинец Греви действует во всем вопреки духу либеральной конституции, подобно генеральному и бесстрашному юнкеру Бисмарку, кто бы этому поверил? Или кто бы поверил известию из Рима, что итальянское правительство отказалось от папских владений и что король Гумберт "пошел в Каноссу"?

Нет, эта *ложь* кажется столь близкою к правде тому, кто видел вблизи бедность и грубость мысли и ловкое бесстыдство действий большинства болгарских вождей!

И отчего наши лучшие умы как бы в затмении, когда речь идет о болгарах, об этом бессодержательном и в то же время загадочном народе, *уже раз в своей истории послу-*

*жившем главным предметом раздора и разрыва между Римом и Византией?**

Не рок ли это?

Фанариоты — ведь это что такое? Фанариоты — это *цареградские греки*, духовенство и миряне (в особенности духовенство), это люди, которых даже прямые, личные интересы теснее, чем у кого-либо другого, связаны на Востоке со строгостью православной дисциплины, со строгостью православных преданий, православных уставов, православных чувств. Вот что такое фанариоты. Царьград — это главный центр Восточного Православия, а фанариоты — греки Царьграда, представители, правители этого центра.

Нет нужды, что они могут быть иногда лукавы или своекорыстны. Ни лукавство, ни своекорыстие личного характера православных *убеждений* и правильного спиритуализма не исключают. Христианство установлено не для одних мягких, чистых или кротко идеальных натур: оно для всех характеров, для всех натур, для всякого воспитания.

И что за политика — политика какой-то нежной морали? Откуда она взялась? И что

мы сами-то за пример? Какие мы моралисты? Фанариоты — консерваторы, мы — либералы; вот и все...

Мы освобождаем болгар...

Прекрасно, освобождайте их *от власти султана, но не от канонических правил повиновения законной церковной власти*. Неужели для нас стало все равно, что шейх-уль-ислам, что Вселенский Патриарх?

Мы дорожим верой нашего народа. Этой верой дорожат даже многие из тех русских, которые сами в церковь молиться не холят или ходят редко, больше из национального чувства, чем по вере.

Неужели же мы не видим связующей нити? Мужик идет в Оптину пустынь или Тихонову, или в Киев, в Печерскую Лавру, или в Соловки. Что он там мыслит, что видит, чему научается? Откуда все это к нам пришло? Не с Востока ли?.. Не от греков ли? Не в руках ли греков и доньше Иерусалим, Афон, Синай? Не к Царьграду ли, как центру общецерковного влияния и средоточию церковного управления, тяготеют все эти Святые Места?..

Что может нам дать взамен всего этого ве-

личия бессодержательная, зеленая, лишенная серьезных преданий, сама своего глубоко революционного (т. е. *либерально-эгалитарного*) духа не сознающая болгарская народность? У болгар нет Святых Мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия, разливающих свой свет повсюду, даже и в наше печальное время жалких прогрессивных надежд и устарелых европейских мечтаний.

Что думать о народе, который возрождение свое начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной власти?

Не успокаивайте себя тем, что этот болгарин в бараньей шапке и коричневых толстых шароварах первобытен и прост: чем грубее и проще в наше время народ, тем легче лукавым и неверующим вождям увлечь его куда угодно.

Католическое духовенство жалуется, что в полудиких, варварских республиках Южной Америки оно гонимо гораздо более, чем в глу-

боко образованной Европе. Отсталая, сравнительно невежественная Италия легче отступилась от папы, чем более цивилизованная, передовая Франция; в последней были и есть даже республиканцы, не желавшие никогда полного разрыва с Ватиканом.

Прогрессивные идеи грубы, просты и всякому доступны. ("Жрецы и воины ведь всегда обманывали народ". Не правда ли?)

Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достоянием немногих избранных умов. Люди высокого ума облагораживали их своими блестящими дарованиями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, они, говорю я, грубы и противны. *Благоденствие земное вздор и невозможность; царство равномерной и всеобщей человеческой правды на земле — вздор и даже обидная неправда, обида лучшим. Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную, духовную свободу, доступную и в цепях. Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут и преподобные; разве "о равенстве и свободе*

ородивые" вроде наших подлых благотворителей, стреляющих из револьверов в генералов.

Жалко, скучно и страшно за будущее славянства!

II

Бедный князь Черкасский!..

Не знаю, что он в самом деле думал про себя; но давно ли мы читали, что "Славянский Комитет будет стараться утвердить в освобождаемой Болгарии дух истинно православный и внушить болгарам отчуждение от пустоты сербских конституционных замашек?"

Князь Черкасский был человек диктатуры; он умер в день подписания мира; прошел только год; еще русские войска не вышли из полуразрушенной Турции, а трагический образ восстающей из рабства и крови Болгарии уже успел мгновенно исказиться шутовской гримасой демагогического и парламентского мещанства!

Не того мы ждали: мы ждали от наших младших, наших свежих братьев примера; мы думали, что они научат нас, как лучше бо-

роться *против европеизма...* А они сразу пере-
щеголяли Европу. О, как это гадко!

Бедные тени Хомяковых и Киреевских —
тени, столь поздно увенчанные *обществен-*
ным признанием и столь скоро обманутые в
лучших надеждах своих!..

"Старые" славянофилы воображали себе,
что затмение турецкого полумесяца повлечет
за собою немедленно яркий восход сияющего
православного солнца на христианском Во-
стоке.

Они мечтали о каких-то патриархально
освежающих *югославянских* родниках! Как
возвышенны, как благородны были эти меч-
ты! Как упорно сохранились они у немногих,
оставшихся *прежними* славянофилами и до-
ныне!

И как ошибочны эти надежды, как призра-
чен этот яркий, своеобразный культурный
идеал! Горькая ошибка наша; поправим ли
мы ее?

Как было не понять, что какому-нибудь
болгарскому учителю, купцу, доктору, депута-
ту и даже министру из мужиков или лавоч-
ников недоступно и нежелательно то, что бы-

ло так ясно и так желательно Киреевскому, Хомякову и Аксаковым?.. Эти люди были все русские *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, *европеизмом пресыщенные*; благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта. То ли может нравиться кое-как или даже и хорошо обучившемуся в Европе пастуху вроде всех этих людей, которых я знаю , лично и которых *не хочу только называть?*

Не то они все чувствуют, *не то, что чувствуем мы!..*

И зато как глубоко, как обидно наше разочарование!.. Как оно горько! И как нам стыдно теперь!.. Я говорю *нам*.. Да, нам; потому что и я приехал лет 15 тому назад на Восток учеником, поклонником этого *культурного славянофильства*, долженствующего возрасти и процветать такими пышными цветами на незыблемых и древних корнях Православия.

Но увы!.. Живя в Турции, я скоро понял истинно ужасающую вещь; я понял с ужасом и горем, *что благодаря только туркам* и держится еще многое истинно православное и

славянское на Востоке...

Я стал подозревать, что отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших славянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...

Я стал бояться, что мы не сумеем, не сможем, не успеем *вовремя* заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной — дисциплиной духа, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*, о котором сказано: "*Даруй ми по Твоей благодати Твоего страха страши-тися*"...

И какой же тут "страх Божий" в народе неопытном, незрелом, руководимом вчера лишь вольноотпущенными лакеями, побывавшими кое-где в Европе для того, чтобы перестать содержать посты и разучиться *любить власти*, Богом поставленные? Какой страх Божий в православной нации, которая начинает свою новую историю борьбой про-

тив Вселенского Патриарха и против принципа епископской власти, — в нации, которую свои демагоги лет 20 подряд учили не слушаться архиереев, изгонять их, оскорблять, не платить им денег?..

Первые впечатления народа, вступающего в политическую жизнь после долгого сна, так важны... (боюсь самому себе досказать свою мысль), быть может, даже неизгладимы...

Я долго прожил в Константинополе и много беседовал там с греками и болгарами.

Я приехал туда в 72-м году, сознаюсь и *каюсь*, защитником болгар, хотя и грекам во многом сочувствовал; но не прожил я и года в самом центре борьбы, как уже мысли мои изменились...

С тех пор они всё те же... Тогда только я понял, до чего мне, *как и большинству русских*, был темен, смутен, недоступен этот столь важный и столь страшный греко-болгарский вопрос!

Только тогда, после *этих долгих бесед*, после внимательного чтения, после упорного раздумья я сказал себе: никогда еще в истории России и славянства принцип племенно-

го славизма не вступал в борьбу с православными уставами и преданиями, и в первый раз эту борьбу мы видим в греко-болгарской распре.

Истинно-национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не *голое*, так сказать, *племя*, а *те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой*. Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти, агитации болгарского "мяса"... Национальное же начало, понятное иначе, *вне религии*, есть не что иное, как все те же идеи 1789 года, начала всеравенства и всеобщности, те же идеи, *надевшие лишь маску мнимой национальности*. Национальное начало вне религии не что иное, как начало эгалитарное, либеральное, *медленно*, но зато *верно разрушающее*...

И ему необходимо платить горькую дань и с ним надо, к несчастью, считаться; но вовсе не следует служить ему слишком искренно и простодушно.

Панславизм — неизбежность... Но панславизм православный есть спасение, а пансла-

визм либеральный есть гибель *прежде всего для России!*..

Кто панславист умный, дальновидный и хороший, тот должен быть за Церковь, за ее дисциплину, за ее каноны, за епископскую священную власть, за Патриарха, за этих ужасных и донине *льстивых* фанариотов, а не за болгар, вот уже 20 лет подряд постоянно попадающих в руки своей крайней партии Чомаковых, Цанковых, Славейковых, Каравеловых... Патриарх — это старая Московская Русь; болгарская интеллигенция, за немногими исключениями, это

— Гамбетта и Рошфор и разве-разве Вирхов и Тьер, только гораздо жиже и плоше!

Выбор ясен.

Однажды я беседовал долго с одним пожилым болгаринном, человеком образованными тонкого ума[2].

Он сказал мне *с глазу на глаз* вот что:

— Мы, болгаре, конечно, поступили неправильно, нарушив каноны; но что делать? *Раскол нам выгоден...* Над нами было два завоевания — греческое и турецкое; надо было сперва, с помощью сильнейшего завоевателя,

свергнуть слабейшего. Оттого мы соединились с турками против Патриарха.

— Я понимаю вас, болгар, — отвечал я, — но нам, русским, нет нужды быть во всем солидарными с вами. Мы даже могли бы объявить вас раскольниками с церковной точки зрения, вместе с тем продолжая защищать вас, как славян, от турок и от Запада и даже, если нужно, и от *лишних, посягательств самого эллинизма*. На Дунае мы помогаем же русским старообрядцам. В такой политике правда сочеталась бы с мудростью. Одна не мешает другой. Разве мы не могли бы объявить вас раскольниками и воевать за вас, когда придет время?.. Тогда, когда Русская "Церковь решится *назвать вас по имени*, как вы того заслуживаете, самый искренний в Православии своем русский в состоянии будет стать за вас, *но только как за славян...* не иначе. Церковь лгать Св. Духу или игнорировать свои уставы запрещает, а сражаться можно и за иноверцев даже, когда того требуют государственные выгоды, — на это нет канонов... А теперь, как православному чело-, веку, *понышнему*, наконец, все ваши тайны, *все ваши*

замыслы и приемы, как ему быть за вас?.. За вас может быть или незнание, или злонамеренность, или какое-то непостижимое затмение, овладевающее иногда и самыми сильными умами.

Умный старик помолчал немного, потом поглядел на меня с тонкой улыбкой и сказал доверчиво (я уже заметил, что мы были одни):

— Да. Кто горячий монархист, подобно вам, тот не может сочувствовать болгарскому движению. Это правда. Принцип самодержавия и принцип Патриаршей власти — это так тесно связано; это почти одно и то же...

A bon entendeur — salut!

III

О пороках фанариотов и о русском незнании

"Новое время" назвало вашу газету *фанариотской*. Это не обида; обидно было бы, если бы оно назвало ее либеральной. В 40-х и 60-х годах позволительно было умному человеку и патриоту быть либералом, но после того

как либерализм *везде* обнаружил уже плоды свои, либералом может оставаться только или очень неспособный и слишком простодушный человек, продолжающий трогательно верить в какое-то прогрессивное, стремящееся ко всеблагу "сюртучное", так сказать, всечеловечество, или, напротив того, очень ловкий хитрец.

Итак, газета "Восток" есть орган фанариотов или порождение фанариотского духа; а я, автор письма о *нашем болгаробесии*,

— я, безнравственный человек, проповедующий, будто Православие (или вообще христианство) существует не для одних избранных, чистых и кротко идеальных натур... "но для всех натур, для всех характеров, для всякого воспитания".

"Новое время" удивляется этому, как новости.

Я не виноват, что сотрудники "Нового времени" не знают основных истин того вероисповедания, к которому они причислены, вероятно, сами по метрическому свидетельству.

Хорошая натура есть особый дар; хорошее направление есть дело свободного избрания.

Христианская вменяемость относится не к дарам природы, а к приобретенным усилиями плодам веры и страха Божия.

Это азбука христианства. Можно не верить, если не умеешь; но надо знать то, о чем судишь. Впрочем, я подозреваю, что редакция "Нового времени" знает, что я прав, но она печатает именно то, что *ей нужно* ввиду русских национал-либералов, имя которых, к несчастью, легион.

Но оставим все это. Назло всем я хочу поговорить с вами еще и еще именно об *этих самых фанариотах*, которые будто бы так порочны, так враждебны нам и так вредны славынству.

Отношения многих русских людей к царградским грекам напоминают мне отношения прежних французов к России и русским.

Я говорю именно о *прежних* французах, потому что за последние годы французские ученые и литераторы "удостоили" нас более внимательного изучения и, при всем политическом недоброжелательстве своем, французское общество стало лучше прежнего понимать Россию.

Политическое недоброжелательство понятно и даже извинительно, если взять в расчет могущество России и ее естественный рост, ничем, даже и миролюбивым смирением нашим, *неотвратимый*.

Поэтому когда я говорю об этих *прежних* французах, то я хочу напомнить не столько преднамеренную ложь враждебных нам партий, сколько легкомыслие невежества и фразу наивного предубеждения.

"Казачи, варварство, les boyards" и т.п. Беранже, например, в одной из своих песен восклицает, что у "казака кожа грязная и *вонючая* (гапсе)". Почему же это?.. Наши простые люди ходят в баню чаще французов. В другом месте тот же поэт говорит: "Русский, который всегда *дрожит* под своим снежным покровом". У нас зимой в домах теплее, чем у них, и люди ходят в шубах.

Сколько подобного вздора я наслушался от французов во время моей службы за границей! Один француз, никогда не бывший в России, говорил, будто у нас оттого, вероятно, едят ржаной хлеб, что пшеничную муку не умеют еще хорошо делать. Даже один испступ-

ленный враг России, польский эмигрант, не вынес этого вздора и вступился за нашу крупитчатую муку. Другой француз утверждал, что Суворов был генерал ничтожный и дикий, который только все кривлялся, чтобы забавлять своих солдат; третий (супрефект), встретившийся со мной на дунайском пароходе, вскочил в восторге со своего места, услышавши, что я упомянул в разговоре о галлах, кельтах и бургундах... "Галлы! кельты! Вы русский и вы все это знаете?.. Но кто же вы? Кто, скажите!" Четвертый (тот самый консул Moulin, которого убили турки в Салониках) уверял меня, что в России скоро будет революция: не социалистическая — нет! Для подобного недоброжелательного пророчества еще можно было бы найти повод в действиях наших нигилистов и в пустой болтовне русских путешественников. Нет, Moulin указывал мне на близость революции *якобинской* (так сказать, эгалитарной, а не *аграрной*, не *экономической*), на восстание народа из-за равенства *прав*. "Потому что, — говорил он, — какой-нибудь мосье Иванов или Петров спросит себя, наконец: отчего он не может иметь

то положение, которое имеет "un Ignatiew" или "un Lobanow". Moulin говорил это в 71-м году, через 10 лет после освобождения крестьян. Что отвечать такому человеку?

Прибавлю, что явных признаков большой политической вражды к России я в этом Мулене не замечал. Он вел себя умеренно. Вернее всего, он, как пустой человек, судил самоуверенно о том, чего не знал.

Вот в каком смысле я сказал, что суждения многих соотечественников наших о греках, и в особенности о греках цареградских, очень похожи на суждения французов о России.

И у нас много *Муленов*.

Я помню многие встречи и разговоры. Еще в 60-х годах случилось мне ехать в мальпосте до Харькова с одним чиновником министерства иностранных дел. Мы разговорились случайно о крымских греках. Он их не знал вовсе; в Элладе и Турции тоже не был, служил тогда в азиатском департаменте; я был в Крыму и знал там и сельских греков, и рыбаков, и купцов, и помещиков этой крови. "Греки эти такие *растленные!*" — воскликнул чиновник министерства. Я удивился. Я, напро-

тив того, живя в Крыму, находил, *по тогдашней молодости моей*, что греки несколько сухи, слишком строги в семейных нравах своих, слишком серьезны и патриархальны сравнительно с нами. Женщины русские, простого звания, замечал я иногда, живя в Крыму, гораздо свободнее и, да простят мне прямоту моего выражения, даже развратнее простых гречанок. Религиозные обязанности — посты и т. п. — крымские греки наблюдали в то время очень строго. России, когда приходилось, они служили как истинные русские подданные, не хуже нас... "Почему же они растленные? — с удивлением спросил я.

— Где вы их видели?" — "Нет, конечно, я не изучал их быта, — отвечал чиновник министерства, — но ведь это так известно, что они *растленны...*"

Каково это суждение? Прошло с тех пор очень много лет. Этот самый чиновник поехал потом на Восток, долго прослужил в свободной Греции, и, верно, теперь он сам посмеется над своими прежними взглядами, если случайно прочтет это письмо мое.

Теперь он, может быть, будет порицать

греков свободного королевства за их демагогический дух, за их эллинский фанатизм; он, вероятно, будет жаловаться на периодические припадки их русофобии, бросающей их поочередно в предательские объятия то той, то другой западной державы... Он назовет их, вероятно, скорее слишком жесткими, суровыми, сухими, но уж никак не "растленными".

Прошли, говорю я, года и года. Я сам прожил десять лет в Турции; имел много дел и сношений и с турками, и с болгарами, и с греками и вернулся на родину. На родине встретил я одного старого знакомого... Он человек жизни скромной, семейной, внимательно читает прописи Смайльса, находит себя православным, несмотря на то что враждует против монашества и монастырей... И в то же время в восторге от Михаила, Митрополита Сербского... Зашел разговор о греко-болгарской распре. Я претендую немножко знать ее историю и ее тайный для многих смысл... Но знакомец мой самоуверенно прервал меня, сказав, как бы вы думали, что?

Он в 74-м году сказал то же самое, что говорил чиновник министерства в 61-м году.

"Греки люди растленные... Фанариотское духовенство исполнено лжи... Болгары, народ молодой и свежий, как и вообще югославяне. Они сохранили в чистоте весь дух первобытного христианства!!!" Что такое это? Какое это христианство первобытное и что значит сохранить в чистоте его дух?.. Какая фраза!.. Ничего осязательного и ясного!..

И кто это именно сохранил этот дух: селяне ли и горцы болгарские, которые с точки зрения православных верований своих и патриархального быта своего очень похожи на греческих селян и горцев Крита, Эпира и Фессалии, с тою только не совсем лестною для славян разницею, что у последних (т. е. у греков) все как-то выразительнее, изящнее, живее[3]... Или этот дух первоначального христианства сохранили лучше нас и греков все эти Жинзифовы и Дри-новы, которых мы знаем хорошо!.. Хитрые буржуа европейского покроя, имеющие все худые качества *византийцев* (да! именно византийцев), но не имеющие того правильного и высокого православного направления, которому не изменяли византийские греки даже и в самые несчастные

дни своего падения.

Или, может быть, этот чистый дух сберегли для нас болгарские епископы, которые, зная очень основательно все уставы Церкви и все апостольские правила, нарушили их сознательно и ловко, *именно настолько, насколько было нужно*, чтобы, отделяясь от Патриарха даже и в смешанных греко-болгарских областях, *ничем слишком резким не поразить* ни свой простой народ, ни русское общество? Они знали, что для простого болгарина главное дело в том, чтобы *клобуки на полах были по-гречески разлитые кверху*[4]; они знали также, вероятно, что русское общество равнодушно к церковным делам и считает их *формалистикой*, что русская дипломатия боится перехода болгар в униатство *гораздо больше, чем нужно этого бояться*; знали, должно быть, еще, что в России сразу и различить не сумеют ни *тонкого* раскола от грубой ереси, ни понять великой разницы между собственным, правильным *административно-государственным* обособлением от Патриарха и болгарским *филетическим* (племенным) *мятежом*...

Болгарские демагоги знали все хорошо и все сделали ловко, дабы *вылущить* свое население поскорее *из греков* во Фракии и Македонии. Они заставили Россию идти за собой с *повязкой на очах!*

Не правда ли, умно?.. Умно, конечно, льстиво и коварно!.. Но где ж тут чистота "древлеславянского" духа?.. Неужели *первобытное, свежее* христианство югославян должно состоять в подобном племенном макиавеллизме, разрушающем Церковь?..

Избави нас Боже от христианства Чомаковых и Каравеловых!

Русское непонимание греко-болгарских дел простирается до того, что мне случилось слышать легкомысленные слова по этому поводу даже от *примерных русских монахов...*

— Помилуйте, какие-то *фанариоты...* — сказал мне недавно один прекраснейший инок, *светски* образованный, *духовно* вполне достойный почтения, умный, добрейший сердцем.

"Какие-то *фанариоты...*" Как вам это нравится?.. Монах этот, впрочем, так умен и правдив, что я сразу мог его образумить.

— Возненавижу Церковь лукавствующих², — сказал я ему. Церковь же лукавствующих была в этом случае скорее болгарская, чем греческие Церкви, которые, в ущерб греческой национальности, объявили болгар раскольниками, ибо дали им этой анафемой средство немедленно выделиться повсюду из смешения с греками и поставить себе везде особое болгарское начальство. "Два епископа (т. е. два православных епископа) в одном городе управлять не могут; но так как нас, смиренных, бедных болгар, эти изверги греки признавать православными более не хотят, то мы этому очень рады и поставим везде по городам рядом с греческими своих епископов, подобно армянам, католикам или русским староверам! Да здравствует султан Абдул Азиз, наш покровитель!"

Вот она, Церковь лукавствующих, которой мы потворствуем!

Что значит личное лукавство людей в общих церковных и в политических делах?.. Почти ничего; оно вредно или полезно, смотря по принципу или роду интереса, которому оно служит...

Что такое *личное коварство* перед судом *духовным*? Грех, немощь личная, против которой есть у христиан правила борьбы душевной, есть покаяние... Многие из святых, многие из мучеников, быть может, хитрили в минуты падения; они были *люди*; считать святых безгрешными — *грех*. Апостол Петр схитрил от страха и отрекся от Христа на мгновение. В этом смысле и епископы болгарские *лично* не должны быть слишком строго судимы; они могли согрешить из тщеславия, гордости, из чело-векоугодия, своекорыстия...

Но можно ли православным людям поддерживать *Церковь лукавствующих*? Церковь, основанную на *тончайшей* лжи, на каком-то чрезвычайно искусном, едва приметном *издали* отщеплении!

Нет, самая резкая *догматическая* ересь была бы не так опасна, потому что она не носила бы столь невинной и обманчивой личины, не издевалась бы над нашим невежеством, не подкрадывалась бы к самому сердцу нашему, ныне столь жалостливому и свободолюбивому!..

Примеров русского незнания, русских за-

блуждений, русской *фразы* нет конца!..

Конечно, не я один могу их привести; но и вы сами, и все те, которые принимают участие в нашей газете, столь почтенной и серьезной.

Одна ничтожная заметка Нестора о *льстивости греков* сколько наделала вреда!..

Мало ли что могло показаться летописцу. И он был человек "немогущий", как и все люди; и он мог заблуждаться. Надо принять в соображение и то, что византийские греки были в то время гораздо образованнее русских и уже по этому одному казались ему хитрее всех других людей, *льстивее, лукавее*...

По поводу подобных *древних* наблюдений, не всегда удобно применимых к нашему времени, я вспоминаю ответ, данный мне одним очень молодым кандиотом простого звания. Нынешние критяне вообще очень симпатичны, и самая хитрость их не груба и не противна, а, напротив того, имеет в себе что-то мягкое, веселое и ласкающее... Этот же юноша, о котором я вспомнил, был воплощенное простодушие и честность... Я что-то спросил у него, он ответил... "Я не верю тебе; ты

лжешь, — сказал я ему шутя, — апостол Павел говорит, что критяне все лжецы".

— Когда, когда жил апостол Павел!! С тех пор сколько перемерло народу. Все люди переменились, — возразил мне, смеясь, молодой грек.

Авторитет апостола Павла важнее авторитета нашего летописца; однако в этом случае не руководиться исключительно замечанием апостола будет так же не грешно, как не грешно согласиться, что русло какой-нибудь реки или глубина какого-нибудь озера, упоминаемого в Священном Писании, изменились с течением веков.

Не знаю, случилось ли с вами это, а мне случилось слышать эту фразу Нестора "греки льстивы до сего дня" от очень серьезных людей, от людей умных и даже... от людей государственной службы... Правда, тут есть разница; ученые, исключительно кабинетные, нередко бывают наивны и сентиментальны в политике, не понимают иногда и вовсе того, что государственная, так сказать, психо-механика не может руководиться одними "моральными" соображениями и вкусами. Они

часто не знают, что действия и противодействия естественной международной борьбы должны основываться как можно менее на личных симпатиях и увлечениях, хотя бы и целых масс, ибо тогда не следовало бы воевать против турок, так как известно, что *лично* многие из них честны, просты сердцем, приятны в частных сношениях и делах, даже очень добры и мягки в мирное время и пока не распалено до безумия их религиозное чувство...

Но *люди государственной службы* всё это знают, и почему они тоже упоминают нехстати в разговорах своих о словах Нестора, я понять не могу! Так, плохое остроумие какое-то. А в мыслях у них *совсем другое*...

Такого рода людям всегда понравится, например, русский "кулак" — консерватор, очень хитрый в частных делах и непоколебимый, искренний в религиозных и государственных убеждениях своих. И мне такой человек нравится, и я его уважаю; но мне нравится не менее его и православный грек точно такого же "стиля" или закала; а некоторые дипломаты наши, хваля подобного русского, в

то же время грека, на него очень похожего и ему равносильного и по твердости верований, и по личным слабостям, непременно назовут льстивым (т. е. лживым) фанариотом.

Отчего же это? Мне кажется, что опытные дипломаты тоже заблуждаются в этом случае, но несколько иначе, чем тот знакомец мой, чтущий прописи Смайльса и не чтущий монахов, о котором я говорил выше, — они заблуждаются, но не так, как чисто кабинетные люди.

Заблуждения дипломатов в греко-болгарском вопросе происходят, конечно, не от добродушного искания *человеческой, прогрессивной правды* на земном шаре — искания, неприличного их высокому званию, опыту и уму, но от той ложной мысли, будто бы Россия должна для *выгод своих*, для укрепления собственной силы, во что бы то ни стало *угодить* югославянам, и в особенности этим болгарам, отныне и впредь долженствующим стать верными проводниками руссизма на Востоке. (Хороши проводники, ратующие против той самой Церкви, которой учение и пре-

дание возрастили Россию! Хорош руссизм — бельгийская "говорильня" с хамоватыми атеистами во главе!)

Вероятно, те из дипломатов наших, которые стояли за болгар, в пылу практической деятельности не нашли времени осмотреться кругом внимательно и понять того до грубости поразительного факта, что во всей Европе чисто национальное начало, т. е. *племенное*, разрешившееся от *религиозных* уз, при торжестве своем дает плоды вовсе не национальные, а, напротив того, в высшей степени *космополитические* или, точнее, *революционные*.

В Италии — эмансипационный национализм погубил папство и даже по духу и общественному быту сделал итальянцев более похожими на французов, чем они были до 59-го года, т. е. *менее национальными*. Вторая империя, служа чужому либерально-национализму, погубила и себя, и Францию; создав Италию, она ослабила себя и послужила косвенно как германскому, так и славянскому, опять-таки либеральному национализму. В торжествующей и почти вполне объединившейся Германии *немедленно* началось глубо-

кое социальное брожение, и единство власти и племени повлекло за собой усиление атеизма и анархических наклонностей. Побеждая Францию, Германия у себя наткнулась на роковую культурную борьбу с папством, от которой не знает как теперь избавиться, и, с другой стороны, в побежденной стране, во Франции, унижением империи она подготовила возможность *якобинской* республики Гриви-Гамбетта, имеющей в свою очередь скоро и несомненно перейти в *нечто еще худшее*.

Национально-либеральное начало обмануло всех, оно обмануло самых опытных и даровитых людей; оно явилось *лишь маскированной* революцией — и больше ничего. Это одно из самых искусных и лживых превращений того Протея всеобщей демократизации, всеобщего освобождения и всеобщего опошления, который с конца прошлого века неустанно и столь разнообразными приемами трудится над разрушением великого здания романо-германской государственности.

Поэтому-то и болгарское национальное движение противу Патриарха и канонов для

России опаснее и вреднее *всего остального на свете*; это самый злокачественный припадок проклятой либерально-прогрессивной (т. е. *космополитической*) заразы!

Я прерываю это письмо — оно и так слишком длинно...

Примечания

Впервые: газета "Восток". 1879. № 7-8. Здесь по:
КНЛ, "Восток, Россия и Славянство". М., 1996.
С. 166-175.

[^^^]

Г. Зотовичем, ныне умершим Авг 1885г.

[^^^]

3

Примеч. Чем я виноват, что это *правда*?

[^^^]

4

Болгарская "интеллигенция" (!) всегда горячо отстаивала внешний *греческий* облик своего духовенства; она' держалась за *разлатые черные клобуки* именно в то время, когда ею уже были нарушены столькие *незримые*, но существенные правила христианской дисциплины.

[^^^]